

Иоанн Понна
Рабы на Уранусе
Как мы построили Дом народа

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

*Памяти Елены Иосуб (урожденной Опря),
учительницы русского языка и литературы в Питешти
и сестры моей матери Марии*

*Памяти солдат, офицеров и младших офицеров,
которые умерли на стройках народного хозяйства,
и всех, кто потерял свою жизнь
в военных трудовых отрядах (лагерях)
бывшего Гражданского центра
с кодовым названием «Платформа Уранус»*

Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Пушкин. Ода «Вольность»

Предисловие автора ко второму изданию

Дружески приветствую всех моих читателей и всех моих литературных рецензентов, которые нашли похвальные слова в адрес этой книги еще по случаю первого ее издания (в 1992 году).

Исполнилось двадцать лет со дня выхода в свет романа *Рабы на Уранусе*, и теперь он издается вторично. Это книга, которую никому и никогда не удастся сымитировать. Это повествование о Доме Народа (или Доме Республики); оно явило миру то, что политруки Чаушеску старались скрыть от глаз общественности: подневольный труд.

Всегда найдутся люди, которые будут говорить, что коммунистическая Румыния не знала ни лагерей принудительного труда, ни трудовых колоний, ни палачей, ни угнетателей и, в целом, чаушистский коммунизм был намного лучше, чем нынешний капитализм. Некоторые из этих людей заведомо лгут, потому что они сами были частью бывшей коммунистической элиты или даже коммунистическими палачами.

Другие вполне искренне утверждают, что чаушистский социализм был раем на земле. Но не следует негодовать, слушая их. Напротив, им можно только посочувствовать. Потому что такие люди – самые печальные жертвы коммунизма. Всецело поработанные и забитые. Они готовы слепо следовать приказам любой власти. Они на все согласятся. Они не станут протестовать против каких-либо злоупотреблений и жаловаться, когда будут нарушаться их права. Это те люди, которые никогда и ничем не будут возмущаться, каким бы ужасным ни было их существование, каким бы адом ни была их жизнь и какими бы несправедливыми ни были законы. Рабская жизнь у хозяина – единственное, что им известно. Свобода для них – нечто совершенно неведомое.

Будучи искренними либо лживыми, все, кто отрицает существование подневольного труда при коммунизме, – не важно, лгут ли они при этом или говорят чистую правду, – напоминают сторонников теории, в согласии с которой нога американцев никогда не ступала на лунную поверхность. Сколько бы доказательств и подтверждений им ни представили, они будут категорически отрицать их и докажут обратное с помощью собственных аргументов.

Все это доказывает, что современное общество располагает необходимыми механизмами, позволяющими максимально использовать благотворные последствия свободы говорить все, что думаешь, но подчас нельзя и защититься от разрушительных последствий этой свободы.

Выход книги в свет был сразу воспринят некоторыми как гимн капитализму. Это неверно. *Рабы на Уранусе* – это не гимн капитализму, а восстание души против чаушистского социализма. Это книга об имеющих мужество говорить правду.

Я был коммунистом, родился в годы коммунизма и жил при этом строе. Более того, я верил в идеи коммунизма. Когда я перестал в них верить, я написал *Рабов на Уранусе*. Я проявил то мужество, которого нет теперь у Запада.

Много раз великий русский мыслитель и диссидент Солженицын жаловался, что, по сравнению с восточным миром, откуда он родом, мир западных стран переживает кризис мужества. Ради сохранения высокого уровня жизни и комфорта, которого он достиг, западный мир больше не хочет вступать в спор, отступает перед любой конфликтной ситуацией, теряет свою мужественность перед лицом любого сильного правительства. Я имел возможность проверить это на собственной шкуре.

В 1992 году Румынией руководило сильное прокоммунистическое правительство и крайне агрессивная коммунистическая милитаристская элита. Население было подвергнуто интенсивному процессу промывки мозгов. Преступные действия коммунистической диктатуры сводились к созданию нескольких стандартных ситуаций: коммунисты не позволяли людям ходить в церковь, молиться и поклоняться иконам; в стране не существовало цветного телевидения; и чтобы купить кофе

или мясо, ты должен был отстоять очередь. Еще было известно, что есть диссиденты-антикоммунисты, такие, как поэты Мирча Динеску¹ и Ана Бландиана². Вот так можно было бы в двух словах описать тот коммунистический ад, который представляла собой в 1990-е годы Румыния.

Появление книги *Рабы на Уранусе* серьезно навредило неокмунистической пропагандистской машине. Стало вдруг понятно, что ей угрожает опасность. *Рабы на Уранусе* приоткрывали зловещие ворота, которые румынский коммунизм держал запертыми на тысячу замков. Книга пробивала брешь – вместе с серией разоблачений истинных преступлений коммунизма, информацией, идущей в разрез с официально разрешенной.

Поддержка подобной книги ставила бы Запад в состояние конфликта с сильным и жестким коммунистическим руководством в Бухаресте, а, как говорил Солженицын, у Запада не было ни смелости, ни даже желания затевать подобный конфликт. Если бы *Рабы на Уранусе* появились в Соединенных Штатах, они бы мгновенно стали бестселлером и, возможно, по книге сняли бы фильмы. Но она появилась в Румынии 1991–1992-го годов, которой железной рукой руководили бывшие коммунисты, а Запад, как я уже говорил, хотел спокойствия, а не скандалов с бывшими чаушистскими заправилами.

Так что и дальше все шло по накатанному пути, который был в то же время и самым удобным. Большие демократии мира воздали почести и одарили дорогими подарками

---

¹ Мирча Динеску (Dinescu; род. в 1950 г.) – румынский поэт и прозаик. За опубликованное в 1989 г. в газете «Libération» антикоммунистическое интервью подвергнут репрессиям. Активный участник революционных событий в Румынии, член Совета Фронта национального спасения. 22.12.1989 г. первым объявил по радио о начале революции и бегстве Н. Чаушеску. Стихи переведены на французский, немецкий, английский, венгерский, сербский и другие языки, в том числе и на русский (М., 1989) (*прим. ред.*).

² Ана Бландиана (Blandiana; наст. имя и фамилия Otilia Valeria Coman; род. в 1942 г.) – румынский поэт, эссеист, прозаик. Стихи и проза переведены более чем на 20 языков (две книги вышли на русском: в 1987 и 2007 гг.). Почетный президент румынского ПЕН-клуба, президент правозащитного фонда *Гражданская академия*, директор-основатель *Мемориала жертв коммунизма* (*прим. ред.*).

и почетными наградами некоторых из румынских писателей и интеллектуалов, которые позволили себе более или менее смелые, реальные или мнимые диссидентские жесты.

Рабы на Уранусе, однако, не привлекли ничье внимание на Западе. Сравнивая улыбающиеся и телегеничные лица румынских диссидентов, свободно говорящих на английском, и жесткое угловатое лицо бывшего танкового офицера, который написал *Рабов на Уранусе* и говорил только по-русски и по-французски (да и то с запинками), легко понять, чей имидж был более выигрышным.

Но я убежден, что иначе и не могло случиться в этом мире, где дошло до того, что над Солженицыным как писателем стали иронизировать и заставили его сожалеть об исчезновении СССР и отмене коммунизма в Европе. Между тем старик Солженицын умер. А мир движется дальше и без таких людей, как он...

При своем появлении роман *Рабы на Уранусе* был воспринят некоторыми как книга, враждебная Румынской армии. Невозможно представить ничего более ошибочного. Книга эта – речь в защиту румынских военнослужащих, ставших при режиме Чаушеску настоящими рабами, безымянной *рабочей силой* на социалистических стройках и заводах.

Слушая в 1992 году то, что им нашептывали советники о моей книге, полуграмотные и грубые генералы и полковники, поставившие Румынию на колени, на которых она простояла до 1989 года, проснулись однажды утром рафинированными и стыдливymi интеллектуалами-патриотами, которые решили, что командир взвода, обливаемый в лагере мочой, – так, как я об этом рассказал в книге, – слишком травмирующий образ для деликатного и чувствительного сердца нашего народа. Невинность нации, таким образом, подверглась надругательству! Я очернил незапятнанный облик румынского офицера!

И тогда вышеупомянутые лица, вместе с бывшими коммунистическими политруками и утечистами¹, ставшими после 1989 года «журналистами» военной газеты *La Datorie*², издания

---

¹ Утечисты – члены УТЧ, Союза коммунистической молодежи (здесь и далее – прим. переводчика, кроме особо оговоренных случаев).

² «На посту».

министерства обороны, обратились в Контрольный отдел министерства обороны (МО), против меня возбудили закрытый сталинистский процесс и потребовали моего исключения из армии, что в 1992 году тогдашний министр обороны без колебаний и сделал. Вместо того чтобы принять точку зрения книги, тогдашнее МО ее дезавуировало.

Таким путем клика купающихся в золоте и крепко сидящих в своих креслах олигархов окончательно лишила армию возможности, вероятно, наилучшей, обелить в глазах общественного мнения свой образ, серьезно скомпрометированный жестоким и двусмысленным поведением во время Революции¹ и той ролью, которую она сыграла в судебном процессе над ее бывшим верховным главнокомандующим и его последующей казни.

Все те самые бывшие коммунистические политруки и утечисты (и не только они!) в результате метаморфозы, произошедшей с ними за одну ночь, из непримиримых врагов капитализма мгновенно превратились в горячих сторонников оногo, а также рыночной экономики, стали высокопоставленными и ответственными лицами в министерстве обороны и ЕС, получили звания полковников и генералов, им повесили на грудь румынские и европейские награды. Некоторые из них, генералы и контрадмиралы, и сегодня являются представителями или тайными советниками министра обороны.

Это, несомненно, представляет собой образец политической хитрости и выживаемости привилегированного сословия бывшей чаушистской диктатуры, это победа того оппортунистического коммунизма, который практиковался в Румынии до 1989 года. И ничего больше. Европейская демократия ничего от этого не выигрывает. Наоборот!

С волнением подписываю в печать это новое издание моей книги, которая с годами не утратила актуальности звучания своих бунтарских фраз. Я добавил в этот том и страницы, которые в 1992 году не могли появиться по политическим мотивам, ныне не существующим. Настоящее издание стало, наконец, полным.

2012

---

¹ Имеется в виду Румынская революция в декабре 1989 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Июль 1987 г. Румыния.
Военная трудовая колония «Уранус»*

Здание, которое возвышается перед нами, огромно, поразительно, уникально. Но оно нас не впечатляет. Мы свыклись с ним, как каторжники свыкаются с местом заключения или моряки – с кораблем, покинувшим порт целую вечность назад. Мы здесь навсегда. Даже время уже не может сбежать отсюда. Мир, отгороженный от нас. Мир, до которого триста метров. Дальше – стена: глухой забор из листового железа, охраняемый вооруженными солдатами. Территория тотального изматывающего труда, который отменяет время и пространство, заступает на их место, сам становясь целой вселенной. Кроме работы, для нас не существует ничего.

Достаю синюю тетрадь в жестком переплете и начинаю переключку:

– Солдат Гашпар Доминикэ!

– Здесь!

– Солдат Лупоайа Илие!

– Здесь!

– Солдат Уриок Василе!

– ...

– Солдат Уриок, из Лугожа! – повторно окликаю в горячем вечернем воздухе под чернильно-синим небом, по которому на запад бегут облака, как будто они тоже спешат попасть на свою переключку.

– Здесь! Я здесь, товарищ лейтенант! – слышу я голос Уриока, стиснутого в середине взвода между немцем Дротлеффом Микаэлем и Ротару Эдуардом.

– А почему ты не отвечаешь, Уриок?

– Но я же ответил, товарищ лейтенант! Я ждал, что вы начнете переключку по родам войск.

«Переключка по родам войск» – это мое изобретение с целью выиграть время и отправиться в столовую раньше. Взвод строится по группам профессий в несколько рядов, и после команды «мирно» по моему знаку каждый громко и быстро называет свои имя, возраст и профессию, во время чего я наблюдаю за ними перед строем. Я знаю тембр голоса каждого, так что никто не может выкрикнуть «здесь!» вместо кого-либо другого.

– Хорошо! Тогда послушаем переключку по родам войск. Начинают бетонщики.

Я поворачиваюсь спиной к взводу, чтобы лучше видеть стройку. Засовываю тетрадь в планшет и закрываю его. Металлический клапан с пружиной скользит под кольцом и возвращается на место с сухим щелчком. Сейчас, вечером, ветер кажется еще горячее, чем был в полдень.

– Понял, товарищ лейтенант! – кричит Бакриу, шеф бетонщиков. – Итак... Солдат Бакриу Александру, 36 лет, бетонщик, уезд Долж...

И другие продолжают:

– Солдат Никола Аурел, 43 года, уезд Долж... Солдат Доанэ Думитру, 30 лет, бетонщик, Долж... Солдат Паскару Константин, бетонщик, 32 года, уезд Нямц... Солдат Мурешан Испас, бетонщик, 42 года, уезд Клуж... Солдат Наум Иоан, 48 лет, бетонщик, уезд Мехединць... Солдат Гроза Георге, 48 лет, бетонщик, уезд Сучава... Солдат Фотаке Василе, 48 лет, бетонщик, уезд Яссы... Солдат Силаги Корнел, 24 года, Арад... Солдат Дамиан Василе, 33 года, уезд Сучава, замыкающий в группе! Переключка 1-й группы бетонщиков закончена!

Где-то в отдалении, на стройке, слышится шум падающих лесов, и я поворачиваюсь налево, глядя за котлован, где работают бульдозеры, и потом в сторону старого, уже снесенного стадиона, который служит нам плацем для сбора и куда мы должны будем пойти. Все большее подразделений начинают появляться из Дома. Густая пыль лениво поднимается из-под разбитых ботинок или из-под колес машин. Это цемент,

смешанный с каменной пылью. Он часть нашей жизни. Им мы дышим, его жуем и даже уже не чувствуем его вкуса. У меня за спиной невозмутимо продолжается переключка взвода, и голоса солдат звучат в теплом воздухе настойчиво и убедительно:

– ...Солдат Гашпар Доминикэ, 48 лет, плотник, уезд Муреш... Солдат Костя Траян, 49 лет, уезд Арад... Солдат Волога Григоре, 30 лет, плотник, уезд Тулча... Солдат Раду Петре, 23 года, плотник, уезд Тулча... Солдат Попов Ифим, 31 год, плотник, уезд Тулча... Солдат Нягу Ливиу, 32 года, плотник, уезд Бакэу... Солдат Уриок Василе, 44 года, плотник, уезд Тимиш... Солдат Лупоайа Илие, 39 лет, плотник, уезд Сучава... Солдат Войку Ион, 42 года... товарищ лейтенант!

Голос солдата привлекает мое внимание. Произношу, не поворачиваясь:

– Да, солдат! Говори! Почему ты прервал переключку?

– Товарищ лейтенант! Надо ли говорить, что мы плотники или столяры? Что, разве вы не знаете, что мы плотники, а те, что там, у Джиряды, – столяры?

Вдалеке, ближе к выезду со стройки, видны бетономешалки, которые уезжают на бетонную станцию. Они будут работать ночью. В лагерь въезжает вагон с арматурой, и стрела крана медленно движется к нему. А на самом верху здания, на последней отметке, над нагромождением лесов, в небе развевается подсвеченный закатом трехцветный флаг.

– Нет, солдат! Не надо больше говорить, что вы плотники или столяры! Продолжайте!

И переключка продолжается:

– ...Солдат Войку Ион, 42 года, Прахова... Солдат Шнайдер Ион, 25 лет, Сибиу... Солдат Амарандей Петру, 29 лет, Сибиу... Солдат Санду Василе, 28 лет, Прахова... Солдат Бэдилэ Софроние, 35 лет, Прахова... Солдат Тот Юлиу, 24 года, Сату Маре... Солдат Филоте Георге, 31 год, Сучава... Солдат Сабо Иоан, 49 лет, Тимиш... Солдат Тот Александру, 28 лет, Сату Маре... Солдат Ротару Эдуард, 27 лет, Бакэу... Солдат Никулицэ Ион... Товарищ лейтенант!

Обращение заставляет меня обернуться:

– Да, солдат! Почему ты остановился?

– Товарищ лейтенант, а надо ли каждый раз говорить наше звание?

– Хорошо! Не нужно звания. Интересно, от чего еще вы просите отказаться? Продолжайте!

И переключка идет дальше:

– ...Никулицэ Ион, 34 года, Брашов... Гика Ион, 29 лет, Прахова... Флоаря Георге, 47 лет, Арджеш... Дьякону Василе, 34 года, Тимиш... Джиряда Костаке, 49 лет, Сучава... Дорка Михай, 36 лет, Караш-Северин... Рошеци Илие, 32 года, уезд Караш-Северин... Цэкалэу Паску, 46 лет, Олт... Добрикэ Вылку, 43 года, уезд Долж... Аврэмеску Георге, уезд Сибиу... Мирча Дору, уезд Сибиу... Дротлефф Микаэл, 29 лет, Сибиу...

Краем глаза замечаю движение на правой стороне фронта и что находящиеся там готовятся отправиться в столовую раньше нас, стоящих на левом крыле. Командира, полковника Станку, нет на плацу, и начальники батальонов пока еще колеблются, начинать или нет рабочую смену без него. В какую-то долю секунды понимаю: у меня есть возможность повести свой взвод первым в столовую, и тут же кричу:

– Внимание! Прекратить! Продолжим переключку после того, как пообедаете. Взвод, равняйся! Равнение направо, солдат! Вот так! Взвод, смирно!

Тран!

– Взвод, нале-е-во!

Тран, тран!

– Взвод, в обход слева, вперед шагом марш!

Тран-тран... тран-тран... тран-тран...

Я нахожусь впереди, я первый, и, подобно гигантской многоножке, наша колонна приходит в движение вслед за мной. Время – девятнадцать часов тридцать минут, рабочая смена окончена. Сейчас июль, еще не стемнело, но, хотя начинает темнеть, жара стоит невыносимая. Мы должны спуститься «в яму» и направиться в обеденные залы, устроенные в здании бывшего стадиона.

Здесь, в Доме Республики, работают свыше двадцати тысяч мобилизованных военных резервистов (призванных на сборы) и даже несколько подразделений военных срочной службы (больше для охраны и разного рода служб). Все обедают

в нескольких столовых. Если опоздаешь, взвод должен стоять в очереди; люди становятся раздражительными и открыто выражают свое недовольство, прежде всего резервисты, а они и составляют мой взвод. Если поспешишь, то рискуешь столкнуться нос к носу со штабной командой полковников и майоров, посылаемых следить за тем, как «заканчивается» работа, или даже с самим командиром рабочей колонии. Никто такого себе не желает. Встреча с генералом Богданом может привести к тому, что тебя отчислят в резерв или заставят предстать перед Советом чести.

Я озабоченно смотрю на часы и оглядываюсь. Длинные колонны солдат уже не соблюдают расстояние между рядами, равнение нарушается, ряды смешиваются. Офицеры нервно жестикулируют, и это единственный признак, по которому можно отличить офицеров, одетых в такую же рваную форму и такие же каски, как и солдаты.

– Тутикэ! Тутикэ и Бурлаку!

– Слушаемся, товарищ лейтенант!

– Ко мне!

Тутикэ Штефан из Крайовы и ботошанец Бурлаку Тоадер умеют лучше других разобраться в этом хаосе. Они и старше по возрасту: первому 41 год, а второму – 34. Они с трудом пробиваются сквозь людскую массу и подходят ко мне.

– Внимание, – говорю им, – вы слесаря и справляетесь лучше...

– Слушаемся!

– Ступайте назад и позаботьтесь, чтобы строй взвода не разорвался и ряды не нарушились. Я здесь, впереди. Возьмите с собой двух бетонщиков – Лунджяну Петру из Галаца и Чари Йосефа из Харгиты. Гляди-ка, Чари уже подошел! Он нас слышал... Чари, ступай с Тутикой, Бурлаку и Лунджяну и сохраняйте взвод в плотном строю – такое впечатление, что внизу, в столовых, нас ожидает контроль полковников-штабистов.

– Лунджяну – хорошо, ему 40 лет, а венгр совсем зеленый, – говорит Тутикэ.

– Я его знаю лучше, чем вы. Даже если ему всего 24 года, он служил в армии недавно и знает, как говорить с себе подобными. Будьте осторожны, до столовых залов еще полкилометра,

и может случиться все, что угодно. Смотрите, чтобы взвод шел компактно. Исполнять!

Трое удаляются сквозь пыль, поднятую тысячами ботинок. В непродыхаемом воздухе поворачиваюсь и кричу:

– Держи равнение, солдат! Держись плотнее! И слушай мои команды! Когда прикажу остановиться – остановиться!

Солдаты инстинктивно смыкают свои ряды. Пытаются идти в ногу. Сквозь свист вечернего ветра слышу, как Тутикэ окликает Лунджяну и как дальше, позади, Чари прерывисто кричит мадьярам:

– *Maradjon... minden együtt... elrendelte hadmagy...*¹

И запыхающиеся голоса венгров отвечают ему на ходу:

– *Tudomasul veszem!*²

Пыль поднимается столбом и прилипает к выцветшим блузам, мокрым от пота. Несмотря на то, что уже без четверти восемь, земля раскалена, как печь, и дурманящая жара, кажется, приваривает нам каски прямо к мозгу. Мимо нас проходит грузовик, поднимая ураган пыли. Пыль скрипит на зубах, душит и ослепляет нас. Сквозь густую завесу пыли различаю где-то впереди фигуру полковника и кричу:

– Стой! Равнение в строю!

Взвод останавливается. Позади колонны возникает суматоха, как будто столкнулись два поезда. Слышатся ругательства и призывы к порядку. Ничего больше не видно. Возле меня появляется майор саперных войск Ликсандру Михаил из штаба. Лицо его искажено злостью, а рот кривится, выплевывая слова:

– Почему... почему, вашу мать, вы ушли раньше с рабочих точек? Кто приказал?

И размахивает блокнотом, который держит в руке. С ненавистью наклоняется ко мне:

– Ну и ну, вас только арест научит уму-разуму! Говори, как тебя зовут! Это уже не первое твое нарушение!

Эта странная логика на секунду блокирует у меня всякое желание ему отвечать. Если майор знает, что я уже допускал

---

¹ Оставайся в строю! Приказ товлейтенанта!

² Поняли, здравия желаем!

нарушения, тогда он знает и то, как меня зовут. Если он не знает моего имени, тогда ему неоткуда знать, что я допускал нарушения. Меня спасает главный инженер, полковник Блэдулеску, который появился на несколько метров дальше и который кричит:

– Товарищ Михаил! Товарищ Ликсандру! Подойдите на минутку!

Это значит, что есть кто-то, совершивший еще более страшное «преступление», чем я, – возможно, полковник увидел у какого-нибудь солдата лопату со сломанным черенком. Это означает саботирование нашей социалистической экономики, подрыв коммунистического будущего нашей родины. Майор оставляет меня на волю Господа Бога и направляется к полковнику. Солдаты приглушенно ругаются, и я прикрикиваю на них:

– Отставить разговоры, солдат!

Опасность удаляется. Медленно колонна снова приходит в движение. Положение нашего взвода достаточно хорошее. После почти километрового марша приходим в столовые залы, устроенные на старом стадионе. Здание принадлежало когда-то IEFIS¹ и долгое время служило ареной для спортивных состязаний с трибунами для зрителей. Теперь оно в ведении лагеря «Уранус», который превратил его в казарму. Вверху спальные помещения (но для другого контингента, не для нас). Внизу столовые залы. Самый большой из них – не только столовая. Он служит местом для собраний с кадрами, партийных собраний по марксистско-ленинской идеологической подготовке (где изучаются фактически только речи Верховного главнокомандующего из «Скынтейи»), или залом суда, где выездные военные трибуналы, военные суды или комиссии по рассмотрению дисциплинарных нарушений судят офицеров и младших офицеров, виновных в нарушении воинских законов. Обычно эти механизмы приводятся в движение по инициативе офицеров-политруков.

Солдаты входят по одному в столовую, добираются до окошка, за которым гражданские работницы столовой кладут им в алюминиевые миски с оббитыми краями еду, и они ставят

---

¹ Институт физвоспитания и спорта.

на грязные и разбитые пластиковые подносы мизерную порцию – ужин. Я гляжу на военных моего взвода. Они усаживаются за столы и молча едят. Вечером у них нет даже сил говорить. Смотрю на их усталые фигуры, небритые грязные лица, руки, натруженные работой... Забираю в свою очередь свою порцию и прохожу к столу. Ем. Почти восемь с половиной, и суета успокоилась. Очередь у окошка заканчивается. Встаю. Отношу поднос на место, где их оставляют, и выхожу из зала.

Снаружи курят солдаты. Приказываю им продолжать курить, но строиться. Потом мы начинаем двигаться за ворота колонии, где ожидаем прибытия автобусов, которые привезут нас в спальни на Витане. Говорю им:

– Пока не приедут машины, продолжим переключку по родам войск! Слесаря, слушаю вас! Тутику и Бурлаку я видел.

И переключка слесарей начинается:

– ...Петруца Константин, 31 год, Ботошань... Мэрунцелу Георге, 29 лет, Ботошань... Эрдей Иосиф, 28 лет, Сату Маре... Стайнер Иосиф, 29 лет, Марамуреш... Бая-Маре... Сападин Ридван, 29 лет, Констанца... Михэиштяну Михай, 28 лет, уезд Олт... Веля Василе, 30 лет, уезд Констанца... Раду Михай, 24 года, уезд Алба, Янош Теодор, 34 года, Алба... Морар Флориан, 24 года, уезд Бихор... Папарэ Николае, 27 лет, Сибиу... Хынкотэ Иоан, 30 лет, Сибиу... Херца Александру, 36 лет, Сибиу... Гашпар Иоан, 32 года, Ботошань...

Звезды сверкают в ночи над нами. Город с его огнями простирается вдаль. Луна тоже взошла на небе, фары машин, которые изредка проходят мимо, освещают на мгновение наши лица и потом оставляют их в темноте. А солдаты продолжают бормотать:

– Солдат Лунджяну Петру, Галац, бетонщик... Солдат Чари Йозеф, Харгита, бетонщик... Солдат Михалаке Некулай, 43 года, Галац... Солдат Морару Некулай, 36 лет, Алба, бетонщик... Солдат Филип Виорел, 44 года, Мехединць, бетонщик... Солдат Сакач Иштван, 48 лет, Алба, бетонщик... Солдат Андрушкэ Михай, 48 лет, Сучава, бетонщик... Солдат Митря Владимир, 27 лет, Сучава, бетонщик... Солдат Пал Винче, 40 лет, Харгита, бетонщик... Солдат Зорилэ Гогу, 38 лет, Мехединць, бетонщик... Солдат Керекеш Штефан, 32 года, Арад,

бетонщик... Солдат Крестя Георге, 32 года, Алба, бетонщик... Солдат Макавею Ионел, 34 года, Алба, бетонщик... Солдат Надь Бела, 29 лет, уезд Харгита, бетонщик... Солдат Филпшан Ион, 34 года, Муреш, бетонщик... Солдат Блага Франчиск, 29 лет, Муреш, бетонщик...

Перекличка закончилась. Солдаты останавливаются, но без их голосов мир кажется мне пустынным, а в воздухе витает какое-то мертвое время; чувствую себя одиноким в бездне мрака, заблудившимся, как дух, который ищет и не находит берега. Таким, должно быть, было начало Творения. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (*Бытие*, 2).

Позже приходят автобусы. Садимся в машины, и колонна начинает двигаться в направлении лагеря в Витане. Наш Витан – это военный квартал, расположенный на южной окраине столицы. Мы называем его 2-я Колония-Спальни, чтобы различить его от 1-й Колонии-Уранус, или Треста «Карпаты», который мы называем «Трист (Печальные) Карпаты»¹.

Местные пятиэтажки были преобразованы в блоки-спальни для части военнослужащих, которые работают на строительстве Дома Республики.

Собственно лагерь, или 1-я Трудовая колония – Трест «Карпаты» (или Предприятие «Дом Республики»), раскинулся на площади примерно в четыре квадратных километра вдоль набережной Дымбовицы, как справа, так и слева от реки, но не в одном секторе города. Линия, проведенная между станциями метро «Пьяца Унирий»² и «Площадь Героев», составляет линию основания колонии, и река находится слева. От Пьяца Унирий и дальше, за мостом через Дымбовицу, стройки колонии продолжают работами на проспекте Победы Социализма, а река на сей раз остается справа и течет, будучи закована в бетонное русло. Ниже по течению – последняя крепость – окруженное лесами здание Национальной библиотеки, где работают военные других частей.

---

¹ Игра слов: trist означает «печальный».

² Площадь Объединения.

Практически речь здесь идет сразу о нескольких стройках: проспект Победы Социализма, Дом науки, стройка Министерства национальной обороны. Как в «Божественной комедии», ад оказывается мощней и громадней, чем кажется на первый взгляд – с лесами возводящихся многоэтажных домов, с ремонтируемыми улицами, со старыми площадями, которые находятся в процессе их сноса. В середине этой паутины строек царит поднебесный колосс – Дом Республики.

С течением времени центр тяжести полностью переместился на этот последний объект. Комплектация личного состава военнослужащих, работающих здесь, внешний облик этих лагерей – все это находится под пристальным наблюдением ДИСРВ (Дирекции по инвестициям, строительству, размещению и войскам) министерства национальной обороны, которую не следует путать с ДРНХ (Дирекцией работ в народном хозяйстве). Фактически разница чисто бюрократическая, потому что в действительности обе дирекции занимаются одним и тем же: принудительным трудом.

Многие из лагерей ДИСРВ были учреждены по приказу Верховного главнокомандующего¹, потому что, как нам с гордостью говорят на партийных собраниях, «наша социалистическая армия полностью вовлечена в строительство социализма в Румынии», – вещь, которую не предвидели ни Маркс, ни Ленин – они, по своей глубокой наивности, думали, что социализм построят народы, а не армии.

Поразительным является то, что для наших политических офицеров, как, впрочем, и для нашей Коммунистической партии в целом, идеологическая, главным образом, и чисто теоретическая концепция, называемая «строительством социализма», перешла из фигурального смысла в прямой, обретающая материальное наполнение. Строительство социализма означает сегодня для нашей страны рытье канав, заливка фундаментов бетоном, штукатурка стен, тёска балок и т. д.

Это странный перенос, с помощью которого идеология была заменена на грубую физическую нагрузку, составляет способ, узаконивающий принудительный труд как государственную

---

¹ Т. е. президента страны Николае Чаушеску.

политику и как духовное стремление, как освобождающую страсть народа, как средство его постоянного утверждения в международном плане. Не об этом ли говорят наши партийные документы?

Все-таки никогда в истории (за исключением нацистских и сталинских лагерей) принудительный труд не считался освобождающей страстью, но являлся наказанием. Безумная идея любви к труду полностью устранила социалистическое мышление и коммунистическую пропаганду, какими их выразили Маркс и Энгельс. На партийных собраниях мы делаем вывод, что опасности капитализма и империалистическая агрессия могут быть устранены только через труд. Учение Ленина и изучение марксистского мышления были замещены тачкой и лопатой. А мы – жалкие существа, которые работаем по восемнадцать часов в сутки, поднимаемся на собраниях и яростно требуем, чтобы право пролетариата на труд было узаконено в международном плане, и заявляем, полные негодования, что империализм отказывает людям в этом праве!

У наших социалистических художников выходят из-под кисти картины, изображающие людей, которые трудятся в поте лица у станка или на поле. Наши книги с рисунками показывают людей, счастливо трудящихся на строительных лесах, каменщиков, которые, улыбаясь, кладут кирпичи на раствор, и их лица светятся радостью и восхищением от собственного труда. Наши дети декламируют в школе стихи, в которых выражают свое горячее желание стать каменщиками и строителями, как их родители, и возьматься в песке с игрушечными ведерками и лопатками, которые имитируют орудия труда своих родителей!

И ужасающая душу мысль о том, что через наших детей мы растим фактически новых рабов для новых ужасных хозяев и формируем основание для будущего, более позднего рабства, нас не шокирует; матери счастливо улыбаются и гладят по головке будущие «человеческие ресурсы», которые по исполнении восемнадцатилетнего возраста будут означать для государственного аппарата лишь простые цифры в каких-нибудь статистических таблицах. Мы, которые хотели отменить церковь, создали самый что ни на есть догматический и устрашающий культ: Церковь Труда!

Но разве не то же самое делали наши прежние живописцы, жившие до нас, и все наши люди искусства? Разве не изображали Тоница, Григореску или Лукиан¹ косцов, крестьян или рабочих, работающих не жалея сил, по-черному? Мы трудимся по восемнадцать часов в сутки и удивляемся в глубине души, что наши социалистические поэты во главе с Аргези² соревнуются друг с другом, вознося отвратительные дифирамбы и идиотские похвалы труду и даже навязчиво декламируя их по телевизору. Вчерашняя сельская идиллия обернулась полными величия образами сегодняшнего завода. Комбинаты сделались соборами нашей новой веры. Но не было ли это тяжелой болезнью и заскоком современного человечества? Разве не воспевали все наши старые поэты грубый труд? Не возносили ли Кошбук, Гога, Александри и Влахуцэ³ гимны, прославляя пот, пролитый румыном на пашне? Почему мы сегодня удивляемся тому, что делаем то же самое?

Существует все же ответ на этот вопрос, и довольно простой. Все эти художники знали, что труд принесет им богатство и процветание! Что труд – это источник всех ценностей. Ради этого не было нужды читать Маркса. Они сами как художники жили благодаря своему труду и хорошо знали, что пролитый ими пот имеет цену. Сейчас это больше не имеет никакого значения. Мы движемся еще в силу инерции мышления, но результат уже не тот, который они некогда могли наблюдать.

---

¹ Николае Тоница (Tonitza; 1886–1940), Николае Григореску (Grigorescu; 1838–1907), Штефан Лукьян (Luchian; 1868–1916) – румынские живописцы, разрабатывавшие в своем творчестве крестьянскую тему (*прим. ред.*).

² Тудор Аргези (Arghezi, наст. имя Ион Нае Теодореску; 1880–1967) – один из крупнейших румынских поэтов XX века. Член Румынской Академии (*прим. ред.*).

³ Джордже Кошбук (Coşbuc; 1866–1918) – румынский поэт. Посмертный член Румынской Академии. Октавиан Гога (Goga; 1881–1938) – румынский поэт, драматург, академик, ультраправый политический деятель, премьер-министр Румынии (1937–1938). Василе Александри (Alecsandri; 1821–1890) – молдавский писатель, драматург, поэт и публицист. Александру Влахуцэ (Vlăhuta; 1858–1919) – румынский поэт и писатель (*прим. ред.*).

Мы торжественно заявляем, что труд – это источник богатства, но в нашем социалистическом государстве более девяти десятых с половиной населения не владеют состоянием, а остальные имеют мизерную собственность. В то же время благодаря нашей работе создаются баснословные ценности. Кучка людей распоряжается этим богатством, но никто не знает, куда оно идет и кому служит. Мы знаем одну-единственную вещь: эти ценности больше к нам не вернуться. И чем больше мы трудимся, тем беднее мы становимся. Трудитесь, товарищи, трудитесь!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА